

12+

Светлана Адаменко

АГИДЕЛЬ-РЕКА

фолк-баллады

Светлана Адаменко

Агидель-река. Фолк-баллады

«Издательские решения»

Адаменко С.

Агидель-река. Фолк-баллады / С. Адаменко — «Издательские решения»,

В книге представлено 12 баллад, объединённых фольклорными мотивами и темой противостояния добра и зла. Произведения взаимосвязаны миром вымышленной Агидель-реки, а также героями, каждый из которых занимает неслучайное место в общем повествовании. Особый стиль баллад напевен и изобилует архаизмами, придающими текстам оттенок родной старины. Данная книга уникальна неповторимой смесью славянского фэнтези и балладной лирики.

© Адаменко С.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Мудрый Дуб #	7
Иванов день#	11
Пава и Златогор	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Агидель-река Фолк-баллады

Светлана Адаменко

© Светлана Адаменко, 2026

ISBN 978-5-0071-3297-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Там, на востоке али на западе, далеко али близко, течёт река Агидель. Изгибается руслом извилистым, бежит, торопится, несёт свои волны в реку Навь, полноводную да широкую. По берегам Агидели, крутым и пологим, — города и селения, горы и леса раскинулись. Живёт в городах и сёлах народ — кто развесёлые годы годит, а кто страдает-мается. Обитает в чаще нечисть и нежить — какая вред чинит добрым людям, а какая и пособляет. Вековечно длится великое противостояние сил добра и сил зла: одни тёмные, другие светлые — как день и ночь, как Сирин и Алконост, как Явь и Навь, как Правда и Кривда. И кренится чаша весов — то ошую, то одесную, покуда не победит истина.

А пока борьба продолжается, жизнь идёт своим чередом, с Агиделью-рекой сравнивая: то течёт тихомирно, то бурным потоком устремляется.

Дорогой читатель, коли хочешь изведать тайны сказочного мира вымышленной Агидели-реки, познать хитросплетения судеб да подивиться чудесам, о коих молва носится, переверни сии страницы и окунись в волны повествования.

Мудрый Дуб

#

Широка, глубока Агидель-река,
Гнётся руслом своим на излучине.
На крутом берегу лес дремучий стоит —
Он для диких зверей обиталище.

Обходи ты тот лес за верстень стороной,
Не ходи по грибы да по ягоды,
Не ходи за зверьём в ловитву ты туда:
Коль пойдёшь — назад не воротись!

#

Обитает там нечисть и нежить в лесу,
Человеку средь них делать нечего —
Забредёшь в непролазь да в кромешную топь —
Коль пойдёшь — назад не воротись!

#

Обряжала деревья золотая пора,
Листья цветом да огненным красила,
Гнала птах на юга, да остатки тепла
Ветром северным с лесу стряхивала.

#

Посредь леса того Дуб могучий стоит —
Вековой Дуб, в объёме три сажени.
Приходил к нему леший погладить кору
И на жизнь горемычную жалился:

#

«И по что надо мной посмеялась судьба,
Уродив меня лешим уродливым?
Хоть и долог мой век, но лет двести б отдал
Я за то, чтобы стать добрым молодцем.

Иметь ладно лицо, а с ним удаль и стать,
Да курчавые волосы русые —
Не пугать видом девиц, а речью прельщать,
Развлекать ихний слух прибаутками.

#

Неужель не видать мне девичьей любви?
Что со мною не так, Дуб мой, батюшка?
Чтоб жениться нам, лешим, обычай велит
Похищать и пленить красных девушек.

#

Ты послушай, что, Дуб, я тебе расскажу:
Приключилась история давеча:

Шла по лесу краса, Катериной зовут,
Подивился я встрече нежданной.

#

Сарахван до земли, голубые глаза,
Косы русы у ней ниже пояса.
Белы руки нежны, а в руках — туесок,
Звонко песню поёт сладкозвучную.

Забрела в тёмный лес, заблудилась она,
Но подружек не звала, не кликала.
Видать, шла за грибами, да сбилась с пути — #
Знамо: девки не ведают в местностях.

#

Как сумел — в молодца обернулся тотчас,
Алексеем представился вежливо,
Да спросил — чем помочь? Донести ль туесок?
По дорожке из лесу что ль вывести?

#

И взглянув на меня, раскраснелась она,
Васильковый свой взор вдруг потупила,
Туесок протянув, имя мне назвала,
По тропинке пошла со мной рядышком.

#

Шли, покуда мы вдруг до опушки лесной,
Не заметив закат, не добрались.
Глядь — в испуге глаза. Побежала к реке,
Не забрав туесок, не оглядываясь.

#

Знать, обличье моё проступило в тот миг,
Да с закатным лучом чары рухнули.
Эх, куды мне мечтать, чтоб такая краса
Полюбила сие страхолюдие!» —

#

Так вздыхал Алексей, чесал космы свои,
Скрёб рукой деревянную голову,
А другой — туесок сжимал берестяной,
Прислоняясь к Дубу премудрому.

#

Слышит вдруг Алексей: к Дубу с той стороны
Кто-то тихо, незримо приблизился.
Да не уж-то она? Катерина сама
Ведёт речь человеческим голосом:

#

«Ах, несчастная я! Да за что мне судьба#

На роду написала обидное:
Одной жить-куковать и вовек не видать
Ни любви, ни тепла добра молодца!

Слушай, Дуб, расскажу приключение своё,
Что со мною вечер приключилось:
Шла я в лес с туеском (а зачем — не скажу),
Да в трёх соснах на зло заблудилась.

Вдруг навстречу идёт удалой молодец —
Весь прекрасен собой добрый молодец.
Звать его Алексей. Предложил подсобить —
Донести туесок, с лесу выплутать.

Я зарделась вся: нонче в нашем лесу
Днём с огнём не сыскать таких молодцев!
Так бы шла с ним и шла. Но случился закат —
Без оглядки пришлось улепётывать:

Чары пали с меня, стала в ночь я собой —
Обычной болотной кикиморою! #
Двести лет мне в обед. Хоть ещё молода,
Не один не позарится молодец».

Так вот к Дубу припала в кручине она,
Да резную кору его гладила.
Выходил наконец леший к ней Алексей,
И в руках туесок ей протягивал.

Он хоть был неказист да и видом суров,
Катерина его душу видела —
Туесок приняла, вместе с тем туеском
Она в миг обрела счастье женское.

Ну а леший смотрел в голубые глаза,
В них тонул, как в волне Агидель-реки,
Знал, что будет любим, знал, что будет любить
Весь свой век, что им с ней жить отмеряно.

Так прошло триста лет, а потом ещё сто,
Рухнул наземь тот Дуб иссушившийся.
И давно обратился в труху туесок,
Но лесная любовь досель крепкая.

Всё течёт Агидель, всё торопится в Навь,

На излучине русло меняется.
Лес дремучий стоит, ты в лес тот не ходи:
Коль пойдёшь — то назад не воротишься!

Иванов день#

То волхвы предрекли, то вещал Гамаюн —
С той поры уж выросли поколения.
За рекой Агидель Белоречье стоит.
День Ивана Купалы уж близился.

Шли беспечные девы да пели куплет
Со своею подругой Рогнедою.
Шли из рощи берёзовой витой тропой,
Да на берег парней зазываючи.

Ведь на завтра у них, как истлеет закат,
Праздник дюже большой ожидается —
На берегу Агидели зажгутся костры.
Парни им отвечали приветливо.

Только мрачен средь них русовласый Радим,
Иссушала тоска его смертная,
Он, Рогнеду узрев, помрачнел, как Перун.
Ведь она во сто крат всех прекраснее.

Но напрасно Радим изводился тоской —
Потешалась над ним дева юная.
Она знала, что нету краснее её
В Белоречье да за Синегорием.

Аки смоль, её бровь, изумруды — глаза,
Вьются волосы иссиня-чёрные.
Безответна любовь сердце юноши жгла,
Что не высечь её, не избавиться.

Он желал разуметь, как к себе приковать
Сердце девицы той неприступное.
Услыхал из легенд, что в дремучем лесу
На Ивана цветок распускается.

То преданья рекли родом с древних веков:
В купальскую ночь цветёт папоротень.
Коль найдётся храбрец, что отыщет его,

Тот изведает всё сокровенное.

Станет зримым всё то, что скрывалось от глаз —
Земля явит сама клады ценные.
Кто сорвёт этот цвет, чудищ не утрашась,
Завладеть сможет сердцем избранницы.

Не боялся Радим даже чудищ лесных,
В лес дремучий за дивом отправился.
Скоро полночь уже. Расстелил он свой холст,
Очертил круг ножом да сел посередь.

Разыгралася ночь, опустился туман,
Видно, полночь прийти собирается.
Вдруг с убежищ своих — да из трав, из кустов
Нечисть-нежить лесная повылезла.

Слышит шёпот Радим — он доносится с трав
И зловещим шипеньем разносится.
То чарующий глас вдруг манит и зовёт,
То вдруг плач слышит он, причитания.

Но не дрогнет Радим, неподвижен сидит,
Знает он — то ему испытания.
Тени жуткие бродят по чаще лесной,
Лес зловещими страхами полнится.

Вдруг над ухом его кто-то захохотал —
Кровь от хохота в жилах замедлилась.
Но не дрогнет Радим, неподвижен сидит,
Ему страхи как будто неведомы.

Вдруг на помощь его кто-то криком позвал,
Умоляя утешить рыдания,
Но не дрогнет Радим, неподвижно сидит —
Знает: нечисть и нежить — коварные.

Вдруг луну в небесах туча скрыла от глаз,
Воцарилась с ней тьма непролазная.
Вылезли из земли змеи и поползли,
Оплетая деревья лианами.

Вот лиана одна, извиваясь змеёй,
Охватила уж выю Радимову,
Сжала, словно тиски, словно цепи, крепка,
Его душит стальными оковами.

Но Радим был силён, путы он разорвал,
Сбросил он с себя змея проклятого.
Вдруг всё стихло вокруг: сама полночь пришла.
Нечисть-нежить лесная попряталась.

Вот в середине куста засиял уголёк —
Зрил Радим через вайи кудрявые —
Заметался искрой, превратился в огонь,
Загорелся цветок ярким пламенем.

Знал Радим, что нельзя медлить с чудо-цветком,
И от корня отнял, не жалеючи,
Да ножом разил длань, и в ту рану вложил
Обжигающий цветок папоротня.

Знал Радим, что теперь, как поверья гласят,
Без оглядки бежать ему надобно,
Сберечь чтобы себя в эту тёмную ночь,
Чтоб цветок не попал в руки нечисти.

Грянул гром вдруг с небес, свет рассёк тьму стрелой,
Нечисть с нежитью в раз приумножилась,
За спиной его стала бесчинствовать, но
Обернуться ему заповедано.

Зарычит люто нечисть, завоет зверьём,
Разразится зловещим вдруг хохотом,
То заплачет вдруг плачем неистовым так,
Что в груди дрогнет сердце отважное.

И на сто голосов — то шепча, то крича,
Зовёт нечисть Радима бесстрашного.
То чарующей речью влечёт за собой,
То базланит истошными воплями.

Не оглянется тот, не поддастся на зов,
Кровь из раны бежит, на мхи падая.
Прижимая к груди, бережёт он цветок,
В лапы чтоб не попал он нечистые.

##

Среди стонов и визгов вдруг слышит Радим —
Родной голос из чащи доносится:
То Рогнеда звала, призывала прийти, —
Встал Радим и к речам он прислушался.

И пошёл, зачарованный, прямо на зов,
Он, влекомый мольбами возлюбленной,
Через чащу лесную, густую траву,
Позабыв все предостережения.

А она всё манила его и звала,
Сладкозвучно его имя молвила.
Исколол он ветвями лицо до крови,
Изодрал ноги травами жёсткими.

#

Ночь прошла, и рассвета настала пора,
На востоке забрезжили сумерки.
К той поре к Агидели Радим подходил,
Но стих голос Рогнеды чарующий.

Тут очнулся Радим, наважденье стряхнув,
Разумея, как из лесу выплутать,
Но вдруг он услышал звонкий девичий смех, —
Доносился он с берега пологого.

Отодвинул рукой ветвь он ивы от глаз,
И открылась картина занятная:
То прелестные девы купались в реке,
Расточная кругом радость брызгами.

Лица юные их, а движенья резвы,
Обнажая свои станы гибкие,
Погружались в волну, окунались в неё,
Разносился их смех колокольчиком.

Но прекраснее всех их Рогнеда была
Черновласая, зелёноокая,
И, босую ступню опустив в Агидель,

Она песню запела хрустальную.

Оказался опять околдован Радим
Песней звонкой и видом пленительным.
Вдруг Рогнеда, завидев его, позвала
Окунуться с ней в воды прохладные.

Радим, зову её повинуюсь, идёт
В Агидели волну погружается,
Девы тотчас его в хоровод свой влекут,
Продолжая своё развлечение.

Пела песню Рогнеда ему и на длань
Поцелуй клала свой исцеляющий.
А влюблённый Радим выпустил свой цветок,
Его дева словила играючи.

Подхватила его, себе в косу вплела,
Улыбаясь Радиму приветливо.
И в порыве Радим к ней приблизил уста,
Только воды реки всё прохладнее.

И сомкнула над ним свои волны река,
Песни глуше Рогнеды доносятся,
Всё бледней и бледней солнце над головой,
Агидель вдруг сковала оковами...

Восходила заря над рекой Агидель —
То рассвет наступил дня Иванова.
Собирались девы на берег идти,
Облекаясь одеждами белыми

Из барвинка венки себе туго плели,
Да вплетали траву сенокосную.
Краше всех их — Рогнеда, и выбрав её,
Наряжали в наряды расшитые.

Кружева приносили, лесные цветы,
В косы ленты вплетали ей алые,
Хороводы водили вокруг, да венки
Подавала Рогнеда им росные.

И гадали по ним девы на женихов:
Кому милый-баженный достанется,
А кому век одной куковать суждено.
Агидель принимала гадания.

На вечерней заре днесь костры полыхнут,
И начнётся весёлое празднество.
Будут песни здесь петь, хороводы плясать,
Да венки пускать в воды глубокие.

И в веселия час взора не отводёт
От Рогнеды, что краше всех девушек,
Светлоокий юнец, что любовь запустил
Глубоко в своё сердце ретивое.

Но Рогнеда ему не подарит и взгляд,
Не одарит улыбкой горячею.
Станет думать о том, как ему покорить
Сердце девицы той горделивое.

Но глаголит молва, что есть дивный цветок, —
Пособит получить он желанное.
В год цветёт он лишь раз — на купальскую ночь,
Но даётся он в руки не каждому.

А растёт он в лесу, что стоит на реке,
Агиделью река называется,
Она волны несёт в полноводную Навь,
Навь торопится в море Хвалынское.

Пава и Златогор

Как река Агидель по равнинам течёт,
По долинам-лугам всё торопится,
Меж полей, меж лесов гнётся руслом своим,
Несёт в Навь свои воды студёные.

Хранит множество тайн матушка Агидель,
Что вверяют ей красные девицы —
Как с сестрой разговор с нею девы ведут,
Доверяя секреты заветные.

#

Внемлет им Агидель да уносит с волной
Тайны девичьи в Навь полноводную,
Река-Навь и сама устремляется прочь —
Да впадает в море Хвалынское.

#

На крутом берегу Агидели-реки
Стоит терем — резные наличники.
Сруб высок лубяной да тесовый забор,
И зовут Златогором хозяина.

#

Знатен он и богат, и собою благой,
Власы русые, да очи светлые.
И невест хоровод — словно все на подбор —
И белы, и стройны, и нарядные.

#

А одна среди них, что Рогнедой зовут,
Поклялася своим сделать молодца:
Ворожкой охмурить, залучить в свою сеть,
Коли в жёны её сам не выберет.

Но призрел Златогор да в соседнем селе#
Милovidную девицу Павушку.
Не особо ладна, не нарядна, к тому ж—
Сиротинка она бесприданная.

Говорили ему: не бери сироту,
Мало ль девок у нас, что на выданье?
Не веди под венец, коль тебе не чета,
А не то быть беде неминуемой.

Не внимал Златогор тем наветам людским,

Кроткий нрав полюбил в своей Павушке,
Обвенчался он с ней и привёл к себе в дом,
Да супругой назвал и хозяйкою.

Пава вправду была и нежна, и умна,
Поперёк мужа слова не молвила.
Щи варить, пряжу прясть, дежу в кадке месить —
Вся работа в её руках спорилась.

Долго ль, коротко ли они жили ладком,
Верным был Златогор мужем Павушке,
И Павлина была ему доброй женой —
Мирно дом-быт вели, ждали деточек.

Как с берёзы листы облетели на земь,
Птахи малые в путь засобралися,
Заскучал Златогор с молодою женой,
Взял свой лук да колчан — в лес отправился.

День по лесу блуждал — дюже всё не везло:
Схоронился весь дикий зверь в ернике —
Ни следов, ни норы, ни пера, ни хвоста —
Знать, без дичи домой поворачивать.

Слышит вдруг Златогор: у него за спиной
Вдруг послышался шум — ветка хрустнула.
Молоньёй пронеслась из дремучей глуши
Под лесной покров лань быстроногая.

Вскинул лук Златогор, натянул тетиву,
Отпустил он стрелу в цель заветную.
Просвистела стрела, да застряла в древах,
Лани уж след простыл — будто не было.

Одержим Златогор стал мишенью своей,
За добычей в кусты с места ринулся.
Но хитра была лань — схоронилась в ветвях,
От стальной стрелы в дебри умчалась.

И за ней Златогор припустил по траве,
Грациозного зверя преследуя.

Вот и солнце зашло, показалась луна,
Серебрится на небе играючи.

Вот поляна в лесу, на поляне костёр, #
Вкруг костра пляшут красные девицы.
Как узрел Златогор тот диковинный пляс —
То отвести не мог взгляд зачарованный.

А у девиц венки из цветов полевых,
Из душистых трав туго сплетённые.
Станы гибкие их гнутся, аки тростник,
В белоснежном они облачении —

В тонкотканый лён да в золотую обьярь,
Да шелковым шнурком подпоясаны.
И неведом мотив, и свирель не слышна,
Что кружила их в танце чарующем.
#

Так смотрел Златогор и дивился он им —
Красоте их и стати, и гибкости.
Заприметил он ту, что была краше всех —
С плеча струятся чёрные локоны.
#

И она в тот же миг, ощутив этот взор
Очей светлых его, зачарованных,
Обернулась тотчас, посмотрела в упор —
Обожгла взглядом испепеляющим.

Поманила к себе, за собой позвала,
Шепча имя его сладкозвучное.
Он не смог устоять и пришёл к ней на зов,
Заключил стан в объятия крепкие.
#

Прижималась к груди, обвивала рукой
Златогора краса черновласая.
А подруги её, обернувшись в ворон,
Разлетелись в миг в разные стороны.

И остались вдвоём дева и Златогор.
Лишь луна, что во тьме серебрилась,
Знала тайны ночи, но безмолвна была,
Агидели их только поведала.

Как пришёл в лес рассвет, занялася заря —
Воссияло то солнышко красное.
Златогор вдруг узрел, что один он в лесу,
Как размежил свои очи сонные.

А что было в ту ночь — не припомнит уже.
И побрёл он сквозь лес узкой тропкою.
Долго ль коротко ли, вышел к берегу он —
А река Агидель домой вывела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.